

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В СИСТЕМЕ ПРАВА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА: ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Георгий АРИКОВ

Молдавский государственный университет

В статье тщательно анализируется право на неприкосновенность частной жизни и обеспечение его различными отраслями права (конституционным, гражданским, уголовным, уголовно-процессуальным правом). Вместе с тем, автор выявляет особенности уголовной политики в данной области. По мнению автора, право на неприкосновенность частной жизни есть не что иное, как предоставленная человеку и гарантированная государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера. В статье обосновывается вывод о том, что такой контроль со стороны индивида может осуществляться различными способами, одним из которых является запрет гражданина, поддерживаемый нормами права, на получение либо распространение тех или иных сведений о нём. В результате проведенного исследования автору удалось доказать, что если действия по собиранию или распространению информации о частной жизни лица осуществляются без его согласия, то, соответственно, они являются вмешательством в сферу личной жизни индивида.

Ключевые слова: частная жизнь, неприкосновенность частной жизни, право на неприкосновенность частной жизни, информация о лице, информация личного характера, личная тайна, семейная тайна, честь, достоинство, диффамация, ограничение неприкосновенности частной жизни.

ASIGURAREA DREPTULUI LA INVIOABILITATEA VIEȚII PRIVATE ÎN SISTEMUL DE DREPT AL REPUBLICII MOLDOVA: PARTICULARITĂȚILE POLITICII PENALE

În acest articol este supus unei analize minuțioase dreptul la inviolabilitatea vieții personale și asigurarea acestuia în diferite ramuri de drept (dreptul constituțional, dreptul civil, dreptul penal, dreptul procesual-penal). Totodată, autorul a conturat particularitățile politicii penale ale statului în sfera menționată. În opinia autorului, dreptul la inviolabilitatea vieții personale reprezintă o posibilitate propusă individului și garantată din partea statului de a controla informația despre sine, pentru a contracara divulgarea informațiilor de origine intimă sau personală. Autorul argumentează că un astfel de control din partea individului poate fi realizat prin diferite metode, una din care este interzicerea de a obține sau de a răspândi astfel de informații fără consimțământul persoanei. Pe cale de consecință, în urma studiului realizat autorului i-a reușit să demonstreze că acțiunile de culegere și răspândire a informației cu caracter personal, comise fără consimțământul persoanei, formează imixtiune în viața privată.

Cuvinte-cheie: viață privată, inviolabilitatea vieții private, dreptul la inviolabilitatea vieții private, informație despre persoană, informație cu caracter personal, secret personal, secret familial, onoare, demnitate, defăimare, limitarea inviolabilității vieții private.

ASSERTION OF THE RIGHT ON INVIOABILITY OF PRIVACY IN THE LEGAL SYSTEM OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA: THE PECULIARITIES OF CRIMINAL POLITICS

This article is dedicated to a detailed analysis of the individual's right to inviolability of private life in different regulations (constitutional law, civil law, criminal law and law of criminal proceedings). At the same time, the author emphasizes the peculiarities of criminal policy in this sphere. According to the point of view of the author, right for inviolability of the private life represents a given by the State and assured possibility of the person to control information about him, to prevent undesirable intrusion in his privacy and disclosure of private information. There is proved that such control performed by the person can be fulfilled by different ways, one of which is considered to be the direct and legally ensured interdiction of the individual for obtaining and disclosure of this category information. As a result of the discussion, there was proved that the actions of gathering and disclosure of the information about private life can be recognized illegal only in the case if they are performed without consent and, as a result, constitutes the illegal intrusion in the private life of the individual.

Keywords: private life, inviolability of private life, right to inviolability of private life, information about a person, personal information, personal secret, family secret, honour, dignity, defamation, limitation of inviolability of private life.

Благодаря существующим правовым институтам право призвано охранять неприкосновенность частной жизни, и не только посредством включения данной категории в перечень неотъемлемых прав человека и гражданина, но и путем выработки конкретных механизмов реализации данного права.

Перейдем к тщательному рассмотрению категории института неприкосновенности частной жизни в соответствии с существующей концепцией и современной уголовной политикой государства.

Несмотря на то, что неприкосновенность частной жизни является универсальным принципом права, четкого понимания категории «*неприкосновенность частной жизни*» нет. Право на неприкосновенность частной жизни тесно связано с такими основополагающими правами человека, как право на личную неприкосновенность, частную собственность и свободу, в том числе свободу вероисповедания и свободу мысли, но не отождествляется с ними.

Подчеркнем, *неприкосновенность частной жизни* – это комплексный правовой институт, состоящий из норм различных отраслей права. Будучи поликомпонентной по своему составу (возможность контролировать информацию о самом себе, институт тайны, недопустимость иной формы вторжения в частную жизнь и т.д.), неприкосновенность частной жизни во всем своем многообразии не может быть подвергнута строгому учету; формы ее различны и приведение исчерпывающего перечня потенциальных нарушений не представляется целесообразным.

Система правового регулирования обеспечения неприкосновенности частной жизни должна строиться по двум основным направлениям:

- обеспечение возможности индивиду *находиться по собственному желанию в изоляции от общества*, наедине с самим собой либо среди близких;
- обеспечение возможности индивиду *осуществлять контроль информации о самом себе*, позволяя распространять ту ее часть, которая, по его мнению, необходима для формирования выгодного ему «информационного портрета», и запрещать распространение не выгодной для него информации.

Итак, *неприкосновенность частной жизни* является достаточно широким и емким понятием, охватывающим, в первую очередь, комплекс общественных отношений, характеризующих человека и гражданина как субъекта, обладающего полной свободой. Вместе с тем, определение места человека в совокупности ценностей, гарантируемых государством, происходит при реализации правоотношений. Посредством правоотношений человек вовлекается как личность в правовое пространство, для чего он и наделяется правовым статусом. В связи с этим рассматриваемый общественный институт с точки зрения юриспруденции подлежит всестороннему анализу сквозь призму субъективного права – *права на неприкосновенность частной жизни*.

В данном контексте отметим, что право на неприкосновенность частной жизни представляет собой одно из наиболее ценных и в тоже время самых уязвимых достояний современного общества. В общих чертах оно может быть определено как право человека быть предоставленным самому себе, как право, согласно которому каждый человек обладает своим пространством, защищаемым законом от произвольных посягательств извне, в том числе и со стороны государства.

Зачастую при установлении факта вмешательства в частную жизнь индивида правоприменитель испытывает трудности в том, норму какой отрасли права следует применить: является ли это гражданско-правовым деликтом, административным правонарушением или уголовно наказуемым преступлением, и где та четкая грань между степенями нарушения приватности индивида.

Одну из ключевых сложностей в процессе обеспечения защиты личной информации представляет латентный характер нарушений неприкосновенности частной жизни. На самом деле, в силу особенностей «*вторжения*» в дела частные, субъект такой информации может даже не догадываться о совершаемых или совершенных в отношении него незаконном сборе, обработке, хранении, уничтожении и передаче персональных данных.

Таким образом, возникает разумный вопрос: *где проходит та грань между неприкосновенностью частной жизни и интересом общественным?* Попробуем разобраться. Бесспорно, что однозначного ответа нет и быть не может. Все дело в появлении новых жизненных обстоятельств, не урегулированных нормами права, в возникновении новых форм человеческого общения, которые могут рассматриваться двояко: они создают возможность для нарушения прав человека на частную жизнь, но в то же время открывают возможность использования этой свободы для вторжения в область, затрагивающую интересы других лиц.

Применительно к рассматриваемому вопросу Г.Б. Романовский отмечает: «*право на неприкосновенность частной жизни – именно право, а не обязанность. Любой человек может охранять своё «жизненное пространство», но он может и сделать его открытым для всех. Причём такие прояв-*

ления могут быть как социально обусловленными, так и зависеть только от личного волеизъявления» [11].

В данном контексте М.И. Авдеев указывает: «Право на неприкосновенность частной жизни не может не подвергаться объективно необходимым ограничениям, чтобы сбалансировать интересы отдельной личности с интересами других лиц, групп и государства, которое, по определению, выражает «публичный интерес». Так, проблематичнее всего добиться защиты права на приватность тогда, когда речь идет о делах, связанных с опубликованием в печати сведений о личной жизни лица. Именно здесь разворачивается чаще всего конфликт индивидуального интереса в неприкосновенности личного мира с общественным интересом, принцип которого – «знать все обо всем», а средства массовой информации воплощают этот принцип» [1].

Несомненно, рассматриваемое право является природным неотчуждаемым правом личности, защищающим личную и семейную тайну, неприкосновенность жилища, тайну личной корреспонденции, честь и доброе имя каждого человека. Уровень и качество его закрепления в нормативно-правовых актах и есть показатель соотношения публичных и частных интересов.

Право на неприкосновенность частной жизни вобрало в себя несколько структурных элементов, которые не могут рассматриваться в отрыве друг от друга, в частности:

- право на неприкосновенность жилища;
- право на неприкосновенность документов или сообщений личного характера;
- право на неприкосновенность личной свободы, включающее не только право свободно, по собственному усмотрению передвигаться, но и право свободно общаться с другими индивидами;
- право на неприкосновенность внешнего облика и голоса;
- право на неприкосновенность персональных данных.

В данном контексте не можем согласиться с мнением Л.Г. Гырла и Ю.М. Табарча о том, что *неприкосновенность частной жизни* подразумевает защиту двух взаимосвязанных элементов жизни человека – личной и семейной: 1) *элементы личной жизни*: личный образ (имидж), стиль, уклад жизни, потребности, наклонности, увлечения, отношения (родственные, дружеские, интимные); 2) *элементы семейной жизни*: супружеские отношения, семейные права, семейные обязанности, поведение в семье, отношения с детьми, семейные обычаи и праздники [5, с.258-259].

Полагаем, что неприкосновенность частной жизни включает элементы личной и семейной жизни, но не ограничивается этим. Подход, примененный цитируемыми авторами, представляется весьма однобоким и не охватывающим весь спектр возможных отношений частного характера, в которые может быть вовлечен индивид. Поясним собственную позицию нижеследующими аргументами. Так, *право на неприкосновенность частной жизни* охватывает, в первую очередь, *право быть предоставленным самому себе*. Бесспорно, что частной и неприкосновенной должна быть жизнь человека в сфере его бытовых, интимных отношений, свободы его мысли и совести. Человеку необходима свобода уединения, вступления в контакты с другими людьми, охрана его личных и семейных тайн, свобода от слежки. Обращаем внимание, что охрана его личных и семейных тайн является всего лишь одним из структурных элементов такого права.

Продолжая собственные суждения на этот счет, утверждаем, что такое право есть не что иное, как предоставленная человеку и гарантированная государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера. Уместно будет отметить, что такой контроль со стороны индивида может осуществляться различными способами, одним из которых является *запрет гражданина, поддерживаемый нормами права, на получение либо распространение данных сведений*.

Иначе говоря, право на неприкосновенность частной жизни должно пониматься как охраняемая законом *возможность определения* человеком степени своей обособленности в обществе и государстве и *возможность удовлетворения* своих индивидуальных интересов по собственному усмотрению, при условии, что такое удовлетворение осуществляется законными способами и не представляет общественного интереса либо не противоречит ему.

Итак, приходим к выводу, что право на неприкосновенность частной жизни подлежит правовой защите в двух ситуациях:

– при вмешательстве в дела частные, включая незаконное соби́рание и распространение информации, составляющей личные и семейные тайны;

– при раскрытии и разглашении сведений об индивиде, оказывающих негативное влияние на честь и доброе имя его и членов его семьи, причиняющих физические и нравственные страдания.

Не стоит забывать и о том, что право на защиту информации представляет собой *личное неимущественное благо*. В широком смысле под благами обычно понимают все, что является таковым для человека, то, что представляет, в первую очередь, отношение самого человека к определенному материальному или нематериальному объекту.

Поясним, что блага могут быть имущественными или неимущественными. Совокупность благ неимущественных, исключая здоровье и благоприятную окружающую среду, представляет собой нематериальные блага. В этом смысле, солидаризируясь с мнением К.И. Голубева и С.В. Нарижного [3, с.46], полагаем, что категория «*неимущественные блага*» шире категории «*нематериальные блага*», поскольку к неимущественным относятся блага, которые обеспечивают здоровье и целостность организма, а также благоприятную окружающую среду.

Установить грань между имущественными и неимущественными благами весьма сложно. Тем не менее, можно попытаться выделить ряд признаков неимущественных благ.

– *Неэкономический характер*, то есть отсутствие точного, а зачастую и приблизительного денежного эквивалента. Поясним, что вопросы оценки данной категории благ осложняются существенными различиями приоритетов людей и сложностью субъективного восприятия неимущественных благ.

– *Невещественный характер*, то есть большинство неимущественных благ (за исключением здоровья, окружающей среды) лишены материальных свойств, к примеру – имя, честь и достоинство.

– *Неотделимость их от личности конкретного человека* (индивидуальный облик).

– *Переменный характер* содержания одного и того же блага. Действительно, большинство неимущественных благ не являются постоянными во времени: изменяются здоровье, окружающая среда, индивидуальный облик и многие другие блага.

Как справедливо отмечает Л.О. Красавчикова, «*к личным неимущественным относятся такие отношения, которые складываются по поводу нематериальных духовных благ, имеющих внеэкономическую природу, представляющих самостоятельную ценность для их носителя, обладающих функциональным свойством нетоварности, принадлежащих личности как таковой и от нее неотделимых*» [7, с.5-6].

При этом автор отмечает возможность не только охранительного, но и регулятивного воздействия норм гражданского права [7, с.6-7]. Последнее находит свое выражение в юридическом признании принадлежности каждому гражданину (физическому лицу) с момента рождения неотчуждаемых личных неимущественных благ, в юридическом опосредовании свободы индивида определять свое поведение в индивидуальной жизнедеятельности по своему усмотрению, в юридической фиксации пределов этой свободы. Охранительная функция заключается, главным образом, в юридическом обеспечении реальности личной свободы. При этом преобладание регулятивной или охранительной функции гражданского права в сфере личных неимущественных отношений во многом зависит от того, по поводу какого конкретного блага возникла соответствующая правовая связь. Именно Л.О. Красавчиковой принадлежит первенство в формулировке понятия *субъективного личного неимущественного права как меры возможного поведения управомоченного лица, которая выражается в свободе определения своего поведения в индивидуальной жизнедеятельности по своему усмотрению, исключаяющей какое-либо вмешательство со стороны других лиц, кроме случаев, прямо предусмотренных федеральным законом* [7, с.6-7].

Приблизительный объем нематериальных благ приводится в Конституции Республики Молдова и в Гражданском кодексе РМ. Исходя из анализа обозначенных нормативно-правовых актов констатируем, что жизнь, здоровье, честь и достоинство личности, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право авторства, право свободного передвижения, а также иные личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежащие человеку от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом. Особо подчеркнем, что подобного рода перечень априори не может быть исчерпывающим и не должен трактоваться в умаление других общепризнанных прав и свобод личности.

Характерной чертой личных неимущественных благ является то, что они могут принадлежать не только человеку живому, но и умершему. Соответственно, защита нарушенных личных неимущественных прав может осуществляться и другими лицами, к примеру – наследниками правообладателя. Так, в цивилистике отмечается возникновение особого случая, вступающего в противоречие со смыслом ряда правовых норм. Прежде всего, это возможность защиты прав, которые в данное время никому не принадлежат. Так, Б.З. Пурцхванидзе отмечает, что умерших невозможно ни унижить, ни оскорбить [цит. по: 3, с.45]. Более того, существует мнение, высказанной автором И.С. Ной о возможности нанесения оскорбления умершему [цит. по: 3, с.45].

Однако в возникшей научной полемике К.И. Голубев и С.В. Нарижный подчеркивают неясность основания, в соответствии с которым третьи лица получают право на защиту неимущественных благ, принадлежавших умершему. По их мнению, в связи с тем, что мнение покойного в настоящий момент не может быть известно, это право можно подвергнуть сомнению [цит. по: 3, с.45]. Право третьих лиц на подобную защиту, если правонарушение не затрагивает непосредственного права таких лиц, представляется, по мнению цитируемых авторов, весьма сомнительным.

В свою очередь, изучая пределы личных неимущественных благ, коими является и право на неприкосновенность частной жизни, Ю.Е. Сысоев отмечает: «*Несмотря на то, что право на неприкосновенность частной жизни непосредственно связано с жизнью человека, считать его прекращенным с прекращением жизни человека нельзя, так как человек имеет право на доброе имя и после смерти*» [13, с.19].

Солитаризируясь с мнением Ю.Е. Сысоева, позволим себе утверждать, что является абсолютно очевидным и понятным стремление заинтересованных родственников, близких, а в ряде случаев и общества в целом, к сохранению в тайне некоторых обстоятельств жизни человека и после его смерти.

Права, обеспечивающие автономию личности в обществе и ее информационный портрет, среди прочих личных неимущественных прав, необходимо классифицировать. Одна из наиболее полных классификаций личных неимущественных благ предложена М.Н. Малеиной [8, с.11-16]. По мнению автора, все личные неимущественные права условно могут быть подразделены на следующие категории.

1) *Права, обеспечивающие физическое благополучие личности* (право на жизнь; право на здоровье (на охрану здоровья); право на здоровую окружающую среду).

2) *Права, формирующие индивидуальность личности* (право на имя; право на индивидуальный облик; право на честь и достоинство).

3) *Права, обеспечивающие автономию личности в обществе* (право на адвокатскую тайну; право на тайну нотариальных действий; право на банковскую тайну; право на врачебную тайну; право на тайну усыновления; право на тайну переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений; право на неприкосновенность жилища; право на неприкосновенность документов личного характера).

4) *Неимущественные права авторов интеллектуального творчества, производителей товаров и услуг.*

В то же время А.А. Савельев подвергает обоснованной критике систему личных неимущественных прав, предложенную М.Н. Малеиной. По его мнению, сама идея классификации личных неимущественных прав, основанной на едином классификационном критерии, заслуживает внимания, однако система указанных прав не вполне последовательна. Он отмечает, что в эту систему вовлечены не только личные неимущественные права, но и иные неимущественные права, не относящиеся к категории личных (не выдержан внешний системообразующий фактор) [12]. Применительно к данному аспекту, А.А. Савельев справедливо задается вопросом: неясно, сможет ли система «выжить» при появлении нового личного неимущественного права, и впишется ли оно в уже существующую систему [12]? Соглашаясь с мнением А.А. Савельева, полагаем, что классификацию М.Н. Малеиной нельзя признать системой ещё и потому, что качественно нового единого целостного явления ею не создается.

Классификация, сформулированная непосредственно К.И. Голубевым и С.В. Нарижным, в силу своего упрощенного подхода, представляется доступной для восприятия. Так, авторами были выделены две следующие категории.

1) *Неимущественные блага, связанные непосредственно с личностью* [жизнь и здоровье; честь, достоинство и деловая репутация; неимущественные права и блага, обеспечивающие автономию

личности в обществе (право на свободу и личную неприкосновенность; права, связанные с неприкосновенностью частной жизни)].

2) *Неимущественные права и блага, связанные с социально-экономической деятельностью* (неимущественные права и блага, связанные с имущественными правами; неимущественные права и блага, связанные с правом на труд) [3, с.52].

Л.О. Красавчикова обосновывает необходимость систематизации личных неимущественных прав по двум структурным уровням:

– В структурное подразделение первого уровня автор включает право на жизнь, право на здоровье, право на свободу и личную неприкосновенность, право на благоприятную окружающую среду.

– Структурное подразделение второго уровня охватывает собой право на имя, право на честь, достоинство, право на частную жизнь, право на свободу передвижения [7, с.7-8].

Весьма интересной представляется классификация личных неимущественных прав, осуществленная Е.А. Михно в зависимости от формы их нарушения [9, с.101-102]. В основу классификации было положено нарушение личного неимущественного права как основания компенсации морального вреда. В связи с этим Е.А. Михно отметила, что все личные неимущественные права можно разделить по видам исходя из таких нарушений:

1) *Причинение физического вреда*. При этом нарушается право на жизнь; право на здоровье.

2) *Вторжение в частные дела*. Это нарушает право на тайну личной жизни; право на тайну переписки, телефонных разговоров; право на неприкосновенность документов личного характера; право на неприкосновенность жилища; право на свободное передвижение и выбор профессии.

3) *Присвоение имени и использование внешности в целях получения выгоды*. Последствием этого могут быть нарушения права на имя; права на индивидуальный облик.

4) *Публичное разоблачение фактов, которые могут быть достоянием только истца или узкого круга лиц*, вследствие чего нарушаются право на адвокатскую тайну; право на банковскую тайну; тайну усыновления; врачебную тайну; тайну нотариальных действий.

5) *Незаконное использование изобретений, патентов, товарных знаков*, следствием чего становится нарушение авторских прав, патентных прав, прав на товарный знак и знак обслуживания.

6) *Распространение сведений, которые выставляют истца в ложном свете*. Это наиболее часто встречающееся нарушение в сфере личных неимущественных прав, при котором основным объектом посягательства является честь, достоинство и деловая репутация [9, с.101-102].

По нашему мнению, именно в этой классификации наилучшим образом систематизируются те категории личных неимущественных прав, которые обеспечивают неприкосновенность частной жизни, акцентируя среди нарушений не только вмешательство в дела частные, но и разглашение сведений, составляющих персональную тайну индивида.

М.Ю. Авдеев, подтверждая по сути концепцию Е.А. Михно, предлагает следующую классификацию нарушений неприкосновенности частной жизни.

⇒ *Нарушение уединения лица или вмешательство в его личные дела* (сюда относятся и такие нарушения, как подслушивание и перехват телефонных переговоров или перлюстрация корреспонденции).

⇒ *Предание гласности сведений личного характера*, которые, с точки зрения лица, неблагоприятно влияют на его имидж в обществе или причиняют ему боль и душевные страдания, в том числе в тех случаях, когда такие сведения соответствуют действительности.

⇒ *Выставление лица в ложном свете в глазах окружающих*.

⇒ *Использование имени или изображения лица в интересах того, кто его использует, например – с целью получения коммерческой выгоды* [1].

Как видно из приведенных классификаций личных неимущественных прав, среди прочих личных прав речь идет о *праве на неприкосновенность частной жизни* (личной, семейной тайны) и о других правах, тесно связанных с исследуемым правом: на защиту чести и доброго имени, тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, на неприкосновенность жилища.

Исходя из анализа конституционно-правовых норм в области гарантий неприкосновенности частной жизни и солидаризируясь с мнением М.Ю. Авдеева [2], приходим к выводу, что неприкосновенность частной жизни включает в себя охрану, защиту и собственно невмешательство.

Государство не вправе не только произвольно вмешиваться в частную жизнь граждан, но обязано защищать ее, то есть обеспечивать неприкосновенность от преступных посягательств путем раскрытия правонарушений, осуждения виновных, возмещения вреда, причиненного преступлением. Следует подчеркнуть, что одного лишь признания за человеком неотъемлемого и неотчуждаемого права на неприкосновенность частной жизни недостаточно для его обеспечения. Такое право нуждается в охране и в защите.

Охрана – это деятельность, направленная на будущее, ее основная задача – не допустить правонарушения, устранить преграды для реализации правомочия, вести профилактико-предупредительную деятельность, а *защита*, в свою очередь, – это деятельность, возникающая при наличии правонарушения, либо устранение такого состояния. Так, например, действующим законодательством предусмотрены материально-правовые и процессуальные гарантии охраны тайны частной жизни граждан, корреспондирующие соответствующим обязанностям должностных лиц.

На основе общей нормы Конституции о защите права на личную жизнь и права информации были выработаны нормы Гражданского кодекса. Отметим, что в практике применения этих норм огромную роль играет судебское усмотрение.

В *гражданском праве* содержатся положения, охраняющие право человека на неприкосновенность частной жизни. Следует отметить, что прямой гарантии неприкосновенности частной жизни нет в гражданском праве, вместе с тем существуют несколько норм общих и несколько норм специальных, способствующих правовому обеспечению конфиденциальной информации о лице, в том числе о его частной жизни.

Так, полагаем, что к общим нормам гражданского права в сфере обеспечения неприкосновенности частной жизни, конечно же, относятся гражданско-правовые нормы о защите чести и достоинства как личных неимущественных благ (ст.15 и ст.16 ГК РМ) [4].

К общим гражданско-правовым нормам, обеспечивающим конфиденциальность сведений, в том числе о частной жизни отдельных лиц, относится норма, предусмотренная ч.(1) ст.701 ГК РМ. В соответствии с данной нормой, если в ходе переговоров одна из сторон сообщила какие-либо сведения другой стороне, последняя обязана не разглашать их и не использовать не по назначению, в своих целях, независимо от того, был или не был заключен договор.

В свою очередь, специальные нормы относительно конфиденциальности персональных данных, в том числе о частной жизни лица, нашли свое отражение в следующих нормах гражданского закона:

- Конфиденциальность информации, ставшей известной поверенному (ст.1042 ГК РМ).
- Обязанность информирования и сохранения конфиденциальности по договору франчайзинга (ст.1175 ГК РМ);
- Банковская тайна (ст.1226 ГК РМ);
- Обязанность сохранения конфиденциальности по договору текущего банковского счета (ст.1234 ГК РМ);
- Обязанность сохранения конфиденциальности по договору страхования (п.д) ч.(1) ст.1315 ГК РМ);
- Тайна завещания (ст.1463 ГК РМ).

В гражданском праве содержится право человека на имя (ч.(1) ст.28 ГК РМ) как одно из фундаментальных личных неимущественных прав. В то же время ничего не говорится о праве человека на изображение, тайну дневников, писем и записок, что, по нашему мнению, существенно затрудняет правоприменение по данной категории дел.

Наряду с обеспечением права на неприкосновенность частной жизни, важное место занимает вопрос об установлении *ограничений* данного права соразмерно ценностям, защищаемым Конституцией и международно-правовыми актами.

В данном контексте правовед А.С. Косач указывает: «Принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, зародившись как идея поставить государству преграду на беспрепятственное вмешательство в частные дела субъектов гражданского права, получил воплощение в законе как требование обеспечить в государстве недопустимость произвольного вмешательства в эти дела на всех уровнях. Данный принцип адресован: 1) законодателю при издании нормативных актов; 2) органам исполнительной власти; 3) органам судебной власти; 4) всем третьим лицам – участникам гражданского оборота» [6, с.4-5]. Солидаризируясь с мнением цитируемого автора,

укажем, что степень произвольности вмешательства в дела частные должна устанавливаться в зависимости от следующих критериев:

- 1) при отсутствии согласия субъекта на вмешательство в его дела;
- 2) при отсутствии признаков признаваемого законом действия в чужом интересе без поручения;
- 3) при несоответствии вмешательства нормам права;
- 4) при несоответствии вмешательства принципам права;
- 5) при несоответствии вмешательства требованиям разумности, добросовестности и справедливости;
- 6) при несоответствии требованиям адекватности, соразмерности и пропорциональности публичным интересам ограничений, вводимых при осуществлении публично-правового вмешательства в частноправовые отношения.

Отметим, что действующее законодательство Республики Молдова закрепляет легитимные ограничения, учитывающие соразмерность интересов человека, общества и государства, а пределы ограничений не должны произвольно толковаться правоприменительными, в том числе и правоохранительными органами.

Относительно неприкосновенности частной жизни, то в данном случае обязанность государства состоит не только в реальном обеспечении осуществления этих прав, но и в невмешательстве в ту сферу частной жизни человека, которая лежит вне рамок его ответственности перед государством и другими членами общества.

Гарантии невмешательства в частную жизнь содержатся не только в нормах *материальных* (конституционно-правовых, гражданско-правовых), но и в *нормах процессуального права* (уголовно-процессуального, гражданско-процессуального).

О мерах охраны частной жизни говорится, в частности, и в уголовно-процессуальном законе. Фундаментальным принципом уголовного процесса является неприкосновенность частной жизни (ст.15 УПК РМ) [14]. Так, в соответствии с ч.(1) ст.15 УПК РМ, любое лицо пользуется правом неприкосновенности частной жизни, тайны интимной и семейной жизни, защиты чести и достоинства личности. В ходе уголовного судопроизводства никто не вправе самоуправно и незаконно вмешиваться в интимную жизнь человека.

Еще одна гарантия неприкосновенности частной жизни закреплена в ч.(2) ст.15 УПК РМ, согласно которой в ходе процессуальных действий не должны собираться без надобности сведения о частной и интимной жизни лица. Участники процессуальных действий по требованию органа уголовного преследования и судебной инстанции берут на себя письменное обязательство о неразглашении подобных сведений.

Более того, согласно ч.(3) ст.15 УПК РМ, уголовно-процессуальный закон гарантирует, что лица, от которых орган уголовного преследования требует предоставления сведений о частной и интимной жизни, вправе удостовериться в том, что эти сведения необходимы для конкретного уголовного дела. Лицо не вправе отказаться от предоставления сведений о своей или чьей-либо другой частной и интимной жизни под предлогом неприкосновенности частной жизни, однако оно вправе потребовать от органа уголовного преследования разъяснения необходимости добывания подобных сведений с занесением этих разъяснений в протокол соответствующего процессуального действия.

Следует особо обратить внимание и на то обстоятельство, что, в соответствии с ч.(4) ст.15 УПК РМ, доказательства, подтверждающие сведения о частной и интимной жизни лица, по его просьбе рассматриваются в закрытом судебном заседании.

Специальной нормой об ограничении права на неприкосновенность частной жизни является норма, предусмотренная ст.303 УПК РМ, согласно которой с разрешения судьи по уголовному преследованию осуществляются специальные розыскные мероприятия, связанные с ограничением неприкосновенности частной жизни лица, проникновением в жилище против воли проживающих в нем лиц.

Другой стороной реализации принципа уголовного процесса относительно неприкосновенности частной жизни является процессуальная гарантия, закрепленная в ч.(2) ст.18 УПК РМ, согласно которой доступ в зал заседаний может быть запрещен мотивированным определением для прессы или общественности на протяжении всего процесса или какой-то его части, к примеру – в случаях, обусловленных необходимостью защиты частной жизни сторон процесса.

Отражением права на неприкосновенность частной жизни лица является также фундаментальная процессуальная гарантия, предусмотренная ч.(2) ст.90 УПК РМ, в соответствии с которой никто не может быть принужден давать показания против своих интересов или против интересов своих близких родственников.

В дополнение законодатель внес некоторые запреты относительно лиц, владеющих информацией о частной жизни граждан в силу особенностей профессии или служебного положения. Так, согласно ч.(3) ст.90 УПК РМ, установлен перечень таких лиц: в частности, речь идет о защитниках, иных сотрудниках адвокатских бюро, для выяснения каких-либо сведений, ставших им известными в связи с обращением к ним за юридической помощью или в связи с ее оказанием (п.2) ч.(3) ст.90 УПК РМ); о представителях сторон (п.3) ч.(3) ст.90 УПК РМ); о судье, прокуроре, представителе органа уголовного преследования, секретаря судебного заседания (п.4) ч.(3) ст.90 УПК РМ); о журналисте, для установления лица, представившего ему сведения с условием неразглашения его имени, кроме случаев, когда указанное лицо добровольно пожелает дать показания (п.5) ч.(3) ст.90 УПК РМ); о священнослужителе, по обстоятельствам, которые стали им известны в связи с выполнением своих функций (п.6) ч.(3) ст.90 УПК РМ); о семейном враче и других лицах, осуществляющих уход за больным, в отношении частной жизни лиц, которых они обслуживают (п.7) ч.(3) ст.90 УПК РМ).

Уголовно-процессуальный закон в ч.(5) ст.90 УПК РМ делает оговорку относительно защитников и представителей, согласно которой указанные лица вправе в исключительных случаях с согласия лица, интересы которого они представляют, дать показания в его пользу, однако дача показаний в этом случае исключает их дальнейшее участие в производстве по делу.

Еще одной гарантией невмешательства в частную жизнь призвано служить указание в УПК РМ на право хранить молчание и не свидетельствовать против самого себя. Таковое гарантируется, в соответствии со ст.104 УПК РМ, подозреваемому, обвиняемому или подсудимому, и, в соответствии со ст.4811 УПК РМ, несовершеннолетнему свидетелю.

Применительно к другой категории конфиденциальной информации следует отметить, что, в соответствии с Главой I Раздела IV «Сохранение конфиденциальности в уголовном судопроизводстве» УПК РМ, устанавливаются гарантии конфиденциальности уголовного преследования (ст.212 УПК РМ); предусмотрена охрана государственной тайны в уголовном судопроизводстве (ст.213 УПК РМ), а также обеспечение сохранности коммерческой тайны и другой официальной информации ограниченного доступа (ст.214 УПК РМ) [14].

В целях сохранения в тайне сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц, в соответствии с ч.(9) ст.128 УПК РМ, орган уголовного преследования обязан принимать меры к неразглашению выявленных при производстве обыска или выемки обстоятельств интимной жизни лица. В ч.(4) ст.119 УПК РМ уголовно-процессуальный закон предусматривает также гарантию, согласно которой лицо, осуществляющее уголовное преследование, не присутствует при освидетельствовании лица другого пола, если освидетельствование сопровождается обнажением данного лица. В этом случае освидетельствование производится врачом.

Итак, осуществление уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности является исключительной компетенцией уполномоченных государственных органов, но и в этой сфере, по нашему глубокому убеждению, должны действовать конституционные пределы права на информацию, в частности, должна соблюдаться соразмерность пределов вмешательства в частную жизнь и защиты конституционных ценностей.

Рассматривая не только сущность права на неприкосновенность частной жизни, мы столкнулись с не менее важной областью научного исследования, затрагивающей вопросы правового ограничения прав человека, в частности, вопросы ограничения права неприкосновенности частной жизни.

Следует отметить, что ограничение прав и свобод является своеобразной крайней необходимостью, когда личности наносится вред, но меньший, чем мог быть нанесен обществу в целом при отсутствии этого ограничения. При этом следует различать *ограничение прав и свобод* и их *нарушение*. Так, в отличие от нарушения, ограничение прав и свобод представляет собой *правомерное действие*. На этом основании будет неправильным употреблять термин «*неправомерное ограничение прав и свобод*», поскольку неправомерное ограничение есть не что иное, как нарушение. Всякое неправомерное ограничение прав и свобод есть нарушение, но не всякое их нарушение является ограничением.

В современной литературе правовое ограничение прав человека исследователи рассматривают как отклонение от правового равенства, когда сужается объем прав и свобод или расширяется круг обязанностей. Такие приемы правового регулирования широко используются при установлении специальных правовых статусов. Согласно мнению С.В. Поповой [10], *ограничение* прав и свобод личности в юридическом аспекте может выражаться в одной из пяти форм:

- (1) *сужение*, то есть умаление содержания и объема свобод;
- (2) *приостановление*, то есть временное ограничение, выражающееся, например, в ограничении избирательного права при лишении свободы за совершение преступления;
- (3) *отмена*, то есть полное прекращение действия тех или иных прав и свобод;
- (4) *непризнание*, то есть отсутствие юридического закрепления определенных прав и свобод, например, политических прав и свобод за иностранцами или их игнорирование;
- (5) *усложнение процедуры реализации* при определенных условиях или в отношении определенных субъектов (например, усложнение реализации права на свободу передвижения в условиях военного или чрезвычайного положения).

Подчеркнем, что особую опасность представляет злоупотребление правом со стороны государства, потому что такое обстоятельство связано с нарушением общечеловеческих прав и свобод, искажением пропорций во взаимоотношениях личности и государства. Основные неотъемлемые права человека, включая право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и достоинства, должны соблюдаться даже при введении чрезвычайного или военного положения.

Нами ставится вполне разумный вопрос: к какой отрасли права следует отнести принцип недопустимости злоупотребления субъективными правами? Отметим, что обычно его рассматривают как отраслевой принцип гражданского права.

Недопустимость злоупотребления правами в гражданском праве привычно связана с понятием шиканы, определяемой в цивилистической доктрине как *особый тип гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного общего типа поведения* [2]. Шикана является лишь одной из самых злонамеренных форм злоупотребления правом. На первый план выходит простое игнорирование интересов контрагентов либо публичных интересов. Пренебрежение интересами других лиц объективно причиняет вред, поскольку нарушенными оказываются запреты, императивы, составляющие нормативное содержание принципа добросовестности.

Зачастую довольно сложно определить степень значительности общественного интереса и границы частной жизни, которые не должны нарушаться ни при каких обстоятельствах.

Злоупотребление такими неотчуждаемыми правами и свободами, как свобода слова, право свободно распространять информацию любыми законными способами, свобода массовой информации, квалифицируется как *диффамация*, то есть распространение фактических сведений, могущих нанести вред репутации человека; персональный характер оглашаемых сведений.

В контексте вышеизложенного, М.Ю. Авдеев отмечает: «*Диффамация как злоупотребление информационными правами и свободами включает формально не нарушающие охранительные нормы действия по распространению достоверной порочащей информации, когда диффаматор преследует неконституционную (и, следовательно, неправомерную) цель злонамеренного опорочения другого лица, а общественные интересы заявляются им сугубо номинальным образом. Подобное «самовыражение» предполагает конституционное противодействие, и вопрос о создании эффективного механизма вполне актуален*» [2].

Солидаризируясь с мнением цитируемого автора, подчеркнем, что бесспорно, опорочить человека в глазах окружающих можно не только ложью – вполне достоверная информация, которую человек скрывает от окружающих, в случае ее опубликования, может негативно сказаться на отношении людей к человеку и восприниматься и окружающими, и самим человеком как порочащая его: наличие судимостей, факты о поведении в семье и быту, изменение фамилии, сведения о тех или иных излеченных болезнях и т.п. В то же время, последствия для лица, распространившего недостоверные сведения и распространившего достоверные, если и те и другие приносят человеку страдания или убытки, по сути, одинаковы.

Полагаем целесообразным сформулировать вопрос: *в чём разница между нарушением права человека на личную жизнь и ущемлением его чести, достоинства и деловой репутации?*

Непреложным является то обстоятельство, что в большей своей массе подобного рода дела схожи, хотя у них есть и принципиальное различие. Так, в случаях нарушения чести и достоинства, действующее законодательство говорит о распространении несоответствующих действительности сведений, которые порочат репутацию того или иного человека. При нарушении же права на неприкосновенность личной жизни соответствие либо не соответствие действительности распространяемых о человеке сведений роли не играет, как и то, порочат ли они его или являются хвалебными. Важно только одно – *действия по собиранию или по распространению информации о частной жизни лица осуществляются без его согласия и, соответственно, образуют вмешательство в сферу личной жизни индивида.*

Вместе с тем, обеспечение в Республике Молдова конституционного права каждого на неприкосновенность частной жизни требует разработки и принятия Закона о неприкосновенности частной жизни. В этом законе необходимо дать определение понятия «частная жизнь» и закрепить следующие правовые гарантии:

- 1) недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия;
- 2) конфиденциальность информации о частной жизни;
- 3) доступ каждого к информации о самом себе, собираемой в государственном и коммерческом секторах;
- 4) введение должности уполномоченного по защите права на неприкосновенность частной жизни и контролю исполнения Закона о неприкосновенности частной жизни.
- 5) приведение в соответствие с Конвенцией Совета Европы положений о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, закрепляющих недопустимость обработки персональных данных без согласия субъекта этих данных, конфиденциальность персональных данных и дополнительные гарантии для субъекта данных.

Подытоживая вышесказанное, подчеркнем, что законодательно вопрос разрешения противоречивых интересов – право на частную жизнь и право на получение информации, не получил четкого определения. Думается, что отображение обстоятельств частной жизни недопустимо, если оно выставляет частную жизнь затронутого лица на обозрение общественности без оправданного интереса.

Библиография:

1. АВДЕЕВ, М., Конституционно-правовая сущность и нормативное содержание права на неприкосновенность частной жизни. В: *Независимый научно-правовой журнал «Право и жизнь»*, 2010, № 140 (2), с.62-64.
2. АВДЕЕВ, М.Ю. *Конституционно-правовые гарантии реализации права на неприкосновенность частной жизни*. www.law-n-life.ru/arch/146/146-8.doc (Дата посещения: 25.01.2013).
3. ГОЛУБЕВ, К.И., НАРИЖНИЙ С.В. *Компенсация морального вреда как способ защиты немущественных благ личности*. Санкт-Петербург: Юридический Центр Пресс, 2000.
4. Гражданский кодекс Республики Молдова от 06.06.2002. В: *Официальный Монитор Республики Молдова*, 2002, № 82-86.
5. ГЫРЛА, Л.Г., ТАБАРЧА, Ю.М. *Уголовное право Республики Молдова: Часть Особенная: С изменениями и дополнениями на 10 октября 2010 года*. Кишинэу: Cartdidact, 2010, т.1.
6. КОСАЧ, А.С. *Принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела в российском гражданском праве* / Дисс. ... канд. юрид. наук. Специальность 12.00.03 – Гражданское право; Предпринимательское право; Семейное право; Международное частное право. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2007.
7. КРАСАВЧИКОВА, Л.О. *Понятие и система личных, не связанных с имущественными прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации* / Дисс. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург: Уральская Государственная Юридическая Академия, 1994.
8. МАЛЕИНА, М.Н. *Защита личных немущественных прав советских граждан: пособие для слушателей*. Москва: Знание, 1991.
9. МИХНО, Е.А. *Компенсация морального вреда во внедоговорных обязательствах* / Дисс. ... канд. юрид. наук. Специальность 12.00.03 – Гражданское право; Семейное право; Гражданский процесс; Международное частное право. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 1998.
10. ПОПОВА, С.В. *Теоретико-правовые вопросы ограничения личной неприкосновенности* // Международная Академия наук и высшего образования. Электронная версия: www.gisap.ru/node/1124 (Дата посещения веб-страницы 11.10.2012).

11. РОМАНОВСКИЙ, Г.Б. *Право на неприкосновенность частной жизни*. Москва: МЗ-Пресс, 2001. (Цит. по: Гырла Л.Г., Табарча Ю.М. *Уголовное право Республики Молдова: Часть Особенная: С изменениями и дополнениями на 10 октября 2010 года*. Кишинэу: Cartdidact, 2010. Том 1, с.259)
12. САВЕЛЬЕВ, А.А. *Личные неимущественные права: критерии разделения в предмете гражданского права* НП: «СИБИРСКАЯ АССОЦИАЦИЯ КОНСУЛЬТАНТОВ». Материалы Международной заочной научно-практической конференции «СОВРЕМЕННАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ», 20 июня 2011 года. www.sibac.info/files/2011_06_20_Law/Savel'ev.doc (Дата посещения: 22.02.2013).
13. СЫСОЕВ, Ю.Е. *Уголовно-правовые средства противодействия незаконному вмешательству в частную жизнь* / Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; Уголовно-исполнительное право. Москва: Федеральное государственное казенное учреждение «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2011.
14. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова, от 14.03.2003 г. В: *Официальный Монитор Республики Молдова*, 2003, №104-110.

Prezentat la 18.03.2013